

Глава 10. Жареная утка

Чи Шэн на мгновение замер. Опустив голову, он принялся нервно тереть края широких рукавов.

«Вид у него всегда недовольный, а голос холодный», — подумал он.

Но, поразмыслив, добавил про себя: «Хотя, кажется, он куда мягче, чем Линьлань-цзюнь или преподобный Цзысяо».

Впрочем, вслух он этого говорить не стал.

Кое-как дождавшись конца лекции, Чи Шэн подхватил стопку книг и поспешил в другой зал. На этот раз предстояло профильное занятие в Академии Музыки, и все ученики в классе уже держали наготове свои инструменты.

В ту секунду, когда в дверях показался наставник, Чи Шэн готов был откусить себе язык.

Лансюэ-цзюнь, чьи манеры мальчик всего несколько минут назад мысленно окрестил «ледяными», бесстрастно оглядел аудиторию. Его лицо ничего не выражало.

— Начнём урок, — холодно бросил он.

Чи Шэн вспомнил слова Линь Фэйсяня о том, что тот принадлежит к Академии Музыки и мастерски владеет гуцинем. Если так, то для мастера его уровня вести курс по истории инструментов было вполне естественно. Беда заключалась в другом: стоило Чи Шэну только-только переменить учителю косточки, как тот явился собственной персоной. Неловкость навалилась душным комом.

В отличие от сухих лекций по теории золотого ядра, занятия музыкой проходили вольнее. Выслушав наставления, ученики принялись упражняться. Инструменты у всех были разные, и в одно мгновение зал наполнился невообразимым хаосом: гуцини и цитры, флейты и сяо, колокола, эрху, пипы и барабаны — всё это смешалось в чудовищную какофонию, терзавшую слух.

Линь Фэйсянь невозмутимо шествовал между рядами, поправляя руки то одному, то другому ученику. Казалось, эта «демоническая музыка» ничуть его не беспокоила. Остановившись перед Чи Шэном, он посмотрел на мальчика, который сидел, не шелохнувшись, и в его взгляде что-то неуловимо изменилось.

— Где твой инструмент? — спросил он.

— У меня нет... — едва слышно пробормотал Чи Шэн.

— С какой целью ты тогда пришел на урок?

Несколько учеников, услышав это, обернулись. Сгорая от стыда, Чи Шэн уткнулся носом в парту под суровым взглядом Линь Фэйсяня. Тот долго и пристально изучал его, после чего тяжело вздохнул.

— Где та сэ?

Чи Шэн опомнился и торопливо потянулся к поясу, где висел духовный мешочек. Такие выдавали всем при зачислении в школу вместе с формой и учебниками. Внутри, на нескольких квадратных метрах магического пространства, он и хранил древний инструмент.

Линь Фэйсянь коротким пассом извлек шестнадцатиструнную сэ и аккуратно положил её на стол.

— Играй.

Чи Шэн замялся:

—... Я не умею.

Линь Фэйсянь мгновенно посмотрел угрожающе:

— Повтори, что ты сказал?

Чи Шэн вздрогнул.

— Я забыл... забыл, как это делается.

Учитель замер, охваченный странным чувством — смесью ярости и обреченности. Казалось, он мучительно соображает, что делать с этим непутевым учеником.

— Открой учебник на двести тридцать восьмой странице, — наконец выдал он. — Там описание техники игры на сэ.

Под надзором строгого педагога Чи Шэну пришлось прочесть главу от корки до корки. Он снова коснулся алых струн, но на этот раз чувствовал себя полным профаном. Без того загадочного наставника из видений пальцы превратились в десять одеревеневших щепок. Как бы он ни старался, звуки выходили фальшивыми и нелепыми.

— Бестолочь, — вынес вердикт Линь Фэйсянь.

Чи Шэн тихонько шмыгнул носом. По сравнению с этим уроком наказание на лестнице Чунъюнь-ти казалось ему верхом блаженства.

***

Промучившись в шумном классе до полудня, Чи Шэн наконец-то смог отправиться на обед. Когда журавль доставил его к облачному утесу, его уже поджидали две компании. С одной стороны стояли братья Ли Ло и Ли Сюнь, с другой — Гунъи Лин в окружении своих верных последователей.

— Сяо Чи Шэн! — Ли Сюнь замахал руками так неистово, что затмил собой всю толпу учеников клана Гунъи. — Уроки кончились! Пойдем в столовую!

Гунъи Лин тут же испепеляюще посмотрел на него:

— Ты ещё кто такой? Я пришел первым! Значит, он идет со мной!

— Ой, да ладно тебе, молодой господин, — хмыкнул Ли Сюнь. — Ты проиграл поединок и теперь метишь в охранники? Тебе-то, может, и в радость, а вот ему ты зачем сдался? Хватит липнуть к человеку, как пластырь.

— Не твоё дело! Члены семьи Гунъи никогда не бросают слов на ветер! Эй, ты... как тебя там...
— Он окликнул Чи Шэна, но замялся, так и не вспомнив имени.

Оказалось, Гунъи Лин всего лишь хотел вместе пообедать. Чи Шэн облегченно выдохнул: пока его не вызывают на дуэль, всё было не так уж плохо. И всё же он покачал головой.

— Простите, молодой господин Гунъи... В другой раз.

Как говорится, двум тиграм не ужиться на одной горе, а в одной школе — двум любимчикам публики. Гунъи Лин был слишком популярен, и Чи Шэн решил держаться в тени. Он предпочел остаться с братьями Ли, которых знал чуть лучше.

Ли Сюнь по-хозяйски приобнял Чи Шэна за плечо и, уходя, глумливо ухмыльнулся через плечо. Позади послышался звон — это разъяренный Гунъи Лин швырнул свой новый меч на камни.

— Ну, погоди, сопляк! Довел-таки! — донеслось им в спину.

Чи Шэн невольно втянул голову в плечи.

«Не злись, молодой господин, — подумал он. — Твоему обаянию ничего не грозит. Это со мной что-то не так».

***

В обеденном зале яблоку негде было упасть — повсюду белели одежды учеников. Здесь смешались все четыре академии: кто-то пришел с инструментом за спиной, у кого-то на поясе висел меч, кто-то бережно прижимал к себе баночки с зельями, а некоторые на ходу прятали в книги свеженаписанные талисманы.

По залу пополз шепот. Ученики начали оборачиваться.

— Смотри! Тот парень — это и есть тот самый «Белый лебедь», о котором вчера все говорили?

— Ого, он идет вместе со старшим братом Ло!

— Идет? Да они всё утро вместе на лекциях просидели! Говорят, Ли Ло сам вызвался его сопровождать!

Чи Шэн снова оказался в центре внимания. Он вдруг осознал, что Ли Ло в этой школе — фигура ничуть не менее значимая, чем Гуньи Лин. Сбежать от этой славы было невозможно.

Оцепенев под перекрестным огнем чужих взглядов, он подошел к раздаче и замер. Он мгновенно почувствовал знакомый аромат. Среди множества блюд он сразу заметил жареную утку — с золотистой корочкой, сочную, лоснящуюся от жира. Она лежала на подносе в донельзя изящной позе и, казалось, с немым укором взирала прямо на Чи Шэна.

Мальчик побледнел. Ему стало не по себе.

Тётушка на раздаче тоже узнала его. Громко, на всю столовую, она прокричала что-то про «божественного белого лебедя» и от избытка чувств зачерпнула ему двойную порцию риса. И, конечно, не пожалела мяса — тарелка буквально скрылась под горой утки.

Чи Шэн впал в ступор. Повезло ему или нет — вопрос оставался открытым.

Сев за стол вместе с братьями, он молча принялся ковырять в тарелке. Ли Сюнь в это время вовсе жаловался брату на предстоящий экзамен по фехтованию: мол, движения он зазубрил, а вот самую суть уловить не может.

Чи Шэн старался не слушать пересуды за соседними столиками. Из-за гула голосов еда казалась безвкусной, словно жевал сухую траву.

Внезапно шум в зале приутих.

Чи Шэн поднял глаза и увидел Линь Фэйсяня. Тот вошел в столовую, прямым курсом проследовал к раздаче и, взяв поднос, сел за свободный стол. Своей аурой он словно придавил шумную толпу учеников; те сразу попритихли, как утки, которых внезапно схватили за шею.

Вокруг Линь Фэйсяня образовалась мертвая зона радиусом в метр. Никто не осмеливался приблизиться, будто его защищал невидимый барьер. Сам наставник, впрочем, этого не замечал — взгляды окружающих были для него пустым местом.

Посмотрев на одинокую фигуру в углу, Чи Шэн спросил у братьев:

— Его что, все так сильно боятся?

Ли Ло проследил за его взглядом.

— Страх есть, конечно. Но если бы сюда пришел Линьлань-цзюнь, всё было бы иначе. У того хоть и скверный характер, зато он легко сходится с учениками. А вот Лансюэ-цзюнь всегда держался особняком. Им восхищаются, его почитают, но подойти к нему не решается никто. На вершине всегда холодно — вот он и коротает время в одиночестве.

Чи Шэн подумал, что Линь Фэйсяню, должно быть, очень тоскливо. Когда-то он и сам так жил в Диего: вокруг постоянно сновали духи и лесные твари, они играли и шумели, но никто из них не хотел заглядывать в его мир.

Он решительно поднял поднос, собираясь пересечь. Но Ли Сюнь тут же схватил его за руку.

— Ты что задумал?

Чи Шэн вопросительно посмотрел на него. Ли Сюнь только усмехнулся:

— Если ты сейчас к нему подсядешь, завтра в этой школе тебя будет знать каждая собака. Тебе что, мало того внимания, которое ты уже огреб?

С этими словами он подцепил палочками кусок сочной утки с тарелки Чи Шэна и отправил его в рот. Чи Шэн замер, ожидая, что сейчас последует какая-нибудь мрачная аналогия — мол, и тебя так же зажарят и съедят.

Но Ли Сюнь лишь довольно прожевал и заключил:

— М-м-м, а утка-то и впрямь хороша.

Чи Шэн только и смог, что промолчать.

<http://bllate.org/book/17515/1657027>